

Александр Коротков

**МОИ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ЗАМЕТКИ**

г.Зея, 2017г.

1

Мои заметки о Булгакине,
проблемах литературы и
защиты национальной гордости.

В учебниках литературы и исто-
рии советского периода Фаддей
Булгакин упоминался как отри-
цательный окололитературный
персонаж, совершенно безжалостный,
достойный лишь насмешек великого
Гушкина в форме эссе-разговора. Сур-
добина о Ф. Б. можно было узнать в
высшей школе. В моей библиотеке
хранится книга, изданная в 1937 году,
в 2017 году ей исполнилось 80 лет!

Это учебное пособие „Крестоватик
по русской литературе XIX века,
часть I (составитель А. В. Цейтлин), для
высших педагогических учебных заве-
дений (государственное учебно-педаго-
гическое издательство, Москва, 1937.)

Изумительная книга о так называ-
емых малоизвестных литераторах
19 века (по большей части его I половина).
В ней такая россыпь фактов о галакти-
ческих, если не галактических, поэтах
и писателях России, что начинаешь
удивляться: а кто же их задвинул
в категорию малоизвестных? Почему

2 В школьных программах описано упрощенно, как о реакции конерат, детей, ассасавших Ласгата Лускински, Зоголяк, Лермонтова, Некрасова и прочим? К таксим ассераторам откровенно с фаддеи Буцарик, опозоренный тем, что писал доносы в охранку как её агент, на свою ассературную драгию. Советская власть строила коммунизм, к тем, кто боялся пролив, она относилась негативно, а защитников буржуи просто некасадела. В этот разряд и угодил Буцарик! Известен его донос на Некрасова, как на „самого опасного коммуниста“ (!!!-я!), произведшая которого „воинот за революцию.“ Как что коммунисты крички в Россию не е Ленински, как ставились Маркса, а были ещё задом до них известны в родном отечестве. В романе „Булосина“ Иван Василевски „действует крокодилский буржуа, который добавается успеха на буржуазном пути развития России (!!!-я!), (воггеб и реакционер!). Потому и не атоб был Фаддей вте вреаско; его и задвинули на полку в запасники: пусть отлежится!

Прошло время, случилось котрреволюция в 90-х годов, Россия вобрала буржуазный путь дальнейшего развития,

3. Тора и герои в литературных произведениях с другой стороны. В годы моей церковной учёбы вся программа строилась на „лицных“ людях. Вот Федорик мучается, т.к. лишний; Вот Онегин не знает, куда себя девать. Зато Штольц - бака и циник! А каздоба Штольцовою душой! И вот в романе „Иван Ильичич“ Булгаков рассуждает о путях развития России. Было это 200 лет назад, а речь будет о нас сейчас сегодняшнем дне!

Не ставлю целью цитировать роман и только тезисно записал основные мысли.

1. Речь идёт о засилье иностранщины в русской промышленности, которая душирует развитие отечественных промыслов!
2. О невозможности кредита в России, т.к. купцы не пользуются доверием: хосикнут деньги и исчезают!!! А сегодня? Все канатот и бегут! Без кредита нет развития!
3. Соображения Булгакова о торговле не только „сырыми произведениями нашей земли“, но и изготовленной продукцией вообще актуально и по сей день, когда мы сидим на нефтяной игле!!!
4. Роль церкви - поддерживать нас как-нибудь!
5. Курс политической экономики для

4 помещиков: не прожигать состояние, а вкладывать прибыль в развитие хозяйства, развивать "социалку" (э): строить школы, больницы, магазины и лавки, мастерские. Вывод: пока Бунгария кичётся о развитие России, А. С. Пушкин выдает в облаках: "Осенняя пора, очей очарованье..." Но! Тиранин Роман Ф. Б. в 10 000 экзеклюяров ввел его в Бестселлеры, причём одним из первых в России! И Пушкин, говоривший о Ф. Б. с почтением, вдруг резко меняет позицию и топчет его, как тварь посмертную. В советские времена Б. как "буржуазной реакционер" (!!! - э!) попадал в разряд второсортных писателей, которой мешал Пушкину сосредоточиться на творчестве шедевров типа про судью Мекленбург, за что и был осмеян.

Но сегодня Бунгария достоин отдельного курса в школе и университетах для приваждая молодёжи буржуазных ценностей.

И надо задвигать Пушкиных, Лермонтовых, Гоголей, Чернышевских и Белинских с Добролюбовскими в долгие часы с их ментакиясы, засучивать рукава и строить новую Россию, ставить насаживать литературные герои Шолохов и Шваку взыскать и мислительно фадено Бунгарину. Якова правда шегрет. И заимать кодо Астану и Фавду, а не дубос величине "национальной гордости".

Ф. В. БУЛГАРИН.

(1789—1859)

Фаддей Венедиктович Булгарин родился 24 июня 1789 г. в семье поляка, принимавшего участие в национально-освободительном движении. В 1798 г. был определен в первый кадетский корпус (в Петербурге). В 1806 г. поступил на службу в уланский полк и в сражении под Фридландом был ранен. Будучи в 1811 г. уволен с военной службы, Б. прошел длинный и разнообразный путь приключений — совершил кражу, жил милостынею, служил в польском легионе, сражавшемся в 1812 г. на стороне Наполеона против русских. Поселившись по окончании войны в Петербурге, Б. занялся литературой. В 1821 г. им были изданы «Избранные оды» Горация, в 1822—1825 гг. им редактировались журналы и альманахи «Северный архив», «Литературные листки», «Русская талия». Во время судебного следствия над декабристами остался вне подозрения (Б. был в дружеских отношениях с Грибоедовым, Рылевым и др.) благодаря тому, что сделался фактическим агентом III отделения. В 1826 г. Б. был зачислен в штат чиновников министерства народного просвещения, довольно успешно проделав служебную карьеру (в 1848 г. он был коллежским советником). Б. умер 1 сентября 1859 г.

В русской литературе 20—30-х годов Б. занимал чрезвычайно влиятельное положение: вместе с Н. И. Гречем им издавалась газета «Северная пчела», пользовавшаяся за свое ультра-благонамеренное направление правительственной поддержкой. Из прозаических произведений Б. выделяются исторические романы «Дмитрий Самозванец» (1830) и «Мазепа» (2 части, 1833—1834), «Памятные записки титулярного советника Чухина» (2 тома, 1835), «Очерки русских нравов, или лицевая и изнанка рода человеческого» (6 тетрадей, 1843), и особенно «нравственно-сатирические романы» «Иван Выжигин» (4 части,

1829) и «Петр Иванович Выжигин» (4 части, 1831). Защищая в своих публицистических выступлениях и в своей беллетристике триединую формулу «самодержавия, православия и народности», Б. вел энергичную борьбу с передовой литературой и журналистикой путем журнальных издевок над Пушкиным, Гоголем и «натуральной школой» или путем доносов III отделению, фактическим агентом которого он являлся (известен его донос на Некрасова, как на «самого отчаянного коммуниста», произведения коего «вопиют за революцию»). Неоднократно изданные при его жизни собрания сочинений (10 частей — 1827, 1828; 12 частей — 1830, 3 части — 1836, 7 частей — 1839—1844) позднее не переиздавались, и специальных исследовательских работ о его творчестве не существует.

Ниже публикуются две главы из авантюрно-дидактического романа «Иван Выжигин».

Роман Булгарина представляет собою рассказ о смышленном буржуа Выжигине и его нескончаемых жизненных приключениях. Выжигин ведет деятельную борьбу со своими врагами, пытающимися лишить его — незаконного сына князя Милославского — наследства. Проводя жизнь в постоянных скитаниях, герой Булгарина, в конце концов, делается важным чиновником и богатым барином.

ИВАН ВЫЖИГИН.

Том первый

Глава XIX.

ДЕЛОВАЯ БЕСЕДА У РУССКОГО КУПЦА. БЕСПОКОЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК. КОНЧИНА ЗЛОДЕЯ.

Хозяин позвал нас к себе откушать чай. Мы застали у него приходского священника и одного порядочно одетого человека средних лет, приятной наружности, которого обращение и приемы показывали, что он привык жить в хорошем обществе. Хозяин познакомил нас, назвав своего гостя Петром Петровичем Виртутиным¹. Мы сели вокруг дубового стола и, попивая чай, стали рассуждать о предметах, которые показались мне чрезвычайно важными, потому что я в первый раз слышал разговоры о делах общественных.

«Не казалось ли бы вам странным, даже непостижимым, господа!» сказал купец: «если б во всех Французских портах одни Немцы и Голландцы, а в Английских портах Испанцы и Итальянцы производили внешнюю торговлю, и

¹Виртутин — от латинского *virtus* — добродетель.

чтоб Французы и Англичане, как верблюды, только перетаскивали на своих спинах товары из внутренности государства к морскому берегу, для того только, чтоб чужеземцы пользовались неимоверными выгодами, без труда, без забот, без ответственности, потому единственно, что на дверях их жилищ прибита медная дощечка с надписью: *Конттора?*» — «Я бы сказал решительно», отвечал Петр Петрович: «что если туземцы работают, как быки, позволяя из себя вырезывать бифстекс иноземцам, то-есть если туземцы трудятся для обогащения пришлецов, торгующих их трудами, то, верно, эти коренные жители не имеют ни довольно ума, ни довольно денег, и даже ни довольно честности, чтоб самим быть купцами».

— «Это слишком строго», отвечал священник: «я бы сказал, что, верно, какая-нибудь другая господствующая страсть отвлекает туземцев от внешней торговли, предоставляя все выгоды встречному и поперечному».

— «Вы оба имели бы права так думать», сказал купец: «но, к счастью, вы правы, батюшка. Приведем дело в ясность. Я говорю о нашем любезном отечестве. Не странно ли, не унижительно ли для народного самолюбия, что в России вся почти внешняя торговля производится посредством иностранных контор и факторий, находящихся во всех Русских портах, и даже в столицах, как будто бы Россия была Китаем, или Япониею? Чужеземные купцы и фабриканты имеют дело только с этими конторами; а мы, Русские, должны смотреть в глаза гг. конторщикам, доставлять им, чего они потребуют для отсылки за границу, и покупать у них чужеземные произведения по ценам, какие им угодно назначать в общем их совете. Эти гг. иноземные конторщики, которых мы величаем негоциантами, не выше почитают Русских купцов, как своих артельщиков, или биржевых дрягилей, и как будто ради Христа делятся с нами сотою частью своих барышей. Скажите, господа, неужели этот порядок дел будет вечно продолжаться, и неужели в отношении в торговле мы будем всегда на той самой степени, как во время открытия архангельского порта Ричардом Ченселором, при царе Иоанне Васильевиче? Кажется, у нас есть все средства, чтоб составить почтенное купеческое сословие. Уму, проникаемости и сметливости нашего народа отдают справедливость сами иностранцы. Честь наша в торговле, право, не ниже добродетелей гг. иноземных конторщиков, а в капиталах мы всегда будем иметь преимущество, имея в своих руках сырые произведения нашей земли и Русский товар. Напротив того, у конторщиков, при начатии их дел, все

богатство составляет медная дощечка с надписью: *Контора*, и несколько рекомендательных банкирских писем».

— «Несколько рекомендательных банкирских писем! Вот в этом-то и вся сила», воскликнул Петр Петрович. «Скажи, любезный Сидор Ермолаевич, кому бы ты более поверил: старожилу ли здешнему, которого ты знаешь давно с хорошей стороны, или приезжему торговцу, которого ты вовсе не знаешь?»

— «Разумеется, я скорее бы поверил старожилу», отвечал купец. «Но позвольте, Петр Петрович, если это сравнение клонится к нашей речи, то кажется мне, что Русских купцов скорее можно сравнивать с старожилами».

— «Так бы следовало, но не так в самом деле», возразил Петр Петрович. «Ты, Сидор Ермолаевич, лет пятьдесят, как торгуешь и знаешь всех лучших купцов в Москве и Петербурге. Насчитай же мне, пожалуйста, полдюжины Русских фамилий, которые известны в торговле от прадеда?»

— «Признаюсь, я не знаю ни одной», отвечал Сидор Ермолаевич. — «У нас как скоро купец разбогатеет, то или обанкротится от того, что перестает водиться с своею братьей, пренебрегает делами, живет на барскую статью, и отдает дочек за голеньких Князей и Графов; или спивается с кругу от чванства и радости, оставляя имение на расхищение плутам прикащикам и мотам деткам, которые уже стыдятся быть купцами и лезут в чины; или, наконец, сам добивается до личного дворянства разными проселочными путями, под вывескою усердия и пожертвований! Правда, у нас нет старых купеческих домов, и едва ли есть один знаменитый торговый Русский дом в России, который начинает свою родословную далее царствования императрицы Екатерины II».

— «Торговля поддерживается кредитом, а кредит известностью и древностью рода», сказал Петр Петрович. «В Англии, во Франции, в Немецких Ганзеатических городах, в Голландии, в Швеции, в Дании вы найдете купеческие дома, которых фирма известна в течение целых столетий и возбуждает более доверенности, чем гербы княжеские. А у нас купцы — перелетные птицы в коммерции! Наш купец покажется на сцену, разжиреет, пустится в гору, а потом падает, или разгуливает, напудрившись геральдическою пылью».

— «Правда, совершенная правда!», промолвил купец, поглаживая бороду.

— «Замечу еще одно обстоятельство», сказал Петр Пет-

рович: «у нас немногие Русские богатеют от биржевой торговли, а по большей части от подрядов в казну. Подрядчики же и откупщики, по моему мнению, не могут называться купцами, или, как говорится, негоциантами. Ибо тот только приносит существенную пользу отечественной торговле, кто имеет дела за границу, и споспешествует сбыту наших произведений в чужих краях. И так иноземные богатые купеческие дома и фабриканты, по неволе, должны производить свои дела в России посредством конторщиков, рекомендованных им *старыми* купеческими почетными фамилиями, у которых эти конторщики прежде были прикащиками. Как заводить большие обороты с Русскими купцами, когда они появляются неизвестно откуда, и исчезают, неизвестно как и куда, с поприща коммерции?»

— «И то правда!» сказал священник. «Однако ж не обвиняйте слишком купцов. Есть весьма много обстоятельств, которые заставляют их выходить из своего звания, при первом удобном случае. Во-первых»...

Вдруг поднялся шум в сенях. Хозяин хотел поспешить туда; но едва он вскочил со стула, как дверь отворилась с треском, и в комнату вбежала с лаем ужасная медяная собака. Потом явился какой-то господин, одетый по дорожному, с трубкою в зубах, а за ним лакей его и полицейский служитель. Между тем, как собака обнюхивала углы, и господин ее раздевался без околичностей, полицейский служитель сказал: «Вот тебе постой, Сидор Ермолаевич. Его высокоблагородие приехал из Петербурга по казенной надобности, и ты так счастлив, что ему понравился с виду твой дом». — «Помилуйте, у меня уже квартируют шесть человек служивых», возразил хозяин: «да сверх того, Капитан-Исправник велел мне принять в дом вот этих двух господ». — «Молчи, борода!» сказал чиновник, посмотрев грозно на почтенного старца. «Я знать не хочу твоего Капитана-Исправника и тебя, и останусь здесь потому, что мне так угодно». Хозяин обратился к полицейскому служителю и сказал: «Но соседние дома не имеют постоя». — «Как тебе равняться с соседями, Сидор Ермолаевич?» возразил полицейский служитель. «Эти господа чиновные, знатные дворяне; ты знаешь, что у них останавливается Губернатор, Прокурор... Да, полно, полно, Сидор Ермолаевич; ведь если не купцам отвечать за всех, так и порядку не будет. Ведь сильному-то и мешок на плечи, а вы богаче всех».

Полицейский служитель вышел, а чиновник сказал: «Шевелись, старина! Видно вашу братью здесь балуют крепко,

что вы еще смеете спорить!» — «Я не спорю, сударь», отвечал купец: «но у меня с семейством остались только три небольшие комнаты, и я не знаю, где поместить вас». — «Я займу две, а ты помещайся в третьей», сказал чиновник: «а если тебе тесно, так ступай в чулан. Смотри, пожалуйста, как этот мужик чванится!» — «Я не мужик, сударь, а купец!» — «А разве это не все равно?» возразил чиновник с насмешкою: «не дворянин — так тот же мужик!»

Мы вышли из комнаты, хозяин последовал за нами. «Господа!» сказал он: «мы исчисляли причины, почему купцы не любят оставаться в своем звании. Вот вам малый образчик того уважения, которое имеют к нам другие сословия. Но вы еще не видели и тысячной доли, а когда увидите, вспомните добром, — и не пеняйте на нас!»

Священник пожал плечами и, не сказав ни слова, пошел к себе домой; хозяин должен был остаться у себя, чтоб поместить нового жильца; а мы с Петром Петровичем пошли прогуляться за город.

«У нас так, как и везде, до тех пор все будет итти не своей колесой», сказал Петр Петрович: «пока просвещение не разольется на все сословия. Только просвещенный, образованный человек может в полной мере чувствовать свои обязанности в отношении к другим и уважать все сословия. Просвещенный человек знает, что в благоустроенном государстве каждое звание почтенно и столь же нужно, как все струны в инструменте, для общего согласия. Невежество полагает преграду к сближению, и точно так же, как Турок почитает христианского подданного Порты почти не человеком, так наши гордые невежды пренебрегают всеми, кто им не родня, и кто не может давать им чинов и орденов. Например, ваш хозяин, не почтенный ли человек во всех отношениях? От чего же это? От того, что он умен и образован. Жаль, что он не получил систематического образования в юности; тогда бы он был во сто раз полезнее отечеству. Сидор Ермолаевич происходит из экономических черносошных крестьян. Он остался сиротой, после родителей пошел в прикащики к дальнему своему родственнику, купцу, и трудами, прилежанием и хорошим поведением составил себе порядочное состояние, образовав себя чтением, обхождением с умными людьми, размышлением и опытностью. Сыновей своих он воспитывает в Университете, убедившись, что первое благо на земле, первая потребность души бессмертной — просвещение. Вы видели почетного священника, отца Евгения. Он также может служить примером, что просвещение не препятствует ис-

полнению священных обязанностей его звания: напротив того, возвышая духовную особу в глазах народа, утверждает его более в вере и нравственности, красноречиво объясняемых пастырями церкви и подкрепляемых примером беспорочной их жизни».

Разговаривая о различных предметах, мы дошли по порядку до обстоятельств жизни самого Петра Петровича Виртутина. Мы крайне удивились, когда он сказал нам, что он не здешний уроженец, но живет здесь противу своей воли. Мы просили его объяснить нам причину этой странности, и Петр Петрович рассказал нам следующее:

«Отец мой был бедный дворянин и не имел к пропитанию никакого средства, кроме небольшого своего жалованья. Он женился на дочери достаточного купца и получил в приданое около пятидесяти тысяч рублей. Мать моя скончалась, родив меня на свет; отец мой оставил службу и занялся моим воспитанием. Для преподавания наук имел я учителей, но отец мой сам был наставником моим в отношении к нравственности. Он вперил в меня беспредельную преданность к престолу, с убеждением, что пространная Россия, составленная из разнородных племен; не может быть ни счастливою, ни сильною иначе, как под властью монархическою, единодержавною. С юных лет отец мой внушил мне, что в мире нет возвышеннее нравственности — как евангельское учение. Он позволял мне читать все философические сочинения, но повторял часто: «Сын мой! Апостол Павел говорит в послании к Фессалонийцам: *«Все испытывайте, хорошего держитесь»*. В творениях мудрецов ты найдешь много ума, еще более остроумия, но нигде не найдешь таких правил для жизни, как в евангелии. В творениях мудрецов ты найдешь также советы добродетели, но нигде не найдешь такой возвышенной нравственности, столько утешительных истин, как в учении апостольском. Вся нравственность, разлитая мудрецами в тысячах книг, заключена апостолами в немногих словах: *«И как хотите, чтобы поступали с вами другие, так и вы поступайте с ними»*. (Еванг. от Луки, гл. VI.) *«Но говорю вам, слушающим: любите врагов ваших, творите добро ненавидящим вас»*. (Там же.) Любезный сын! исполняя сии два правила, ты исполнишь все свои обязанности». Отец мой был не святошею, не ханжею, но истинным христианином и примером собственной жизни укреплял меня в преподаваемых им правилах.

«Кончив мое воспитание, я вступил в военную службу. При отправлении в полк отец благословил меня образом

спасителя с надписью из апостола: «*Посему отвергнув ложь, все говорите истину пред ближним своим*». (Посл. ап. Павла к Ефес., гл. IV.)

«С летами я более утверждался в правилах, посеянных в сердце моем достойным моим родителем, и более убеждался в истине, что человек для того только создан на свет, чтоб помогать своим ближним всеми зависящими от него средствами. Каждая несправедливость, оказанная кому бы то ни было и кем бы то ни было, производила во мне сильное впечатление: по несчастью, я не мог воздержать языка своего и вопиял громко противу всяких злоупотреблений. Мы стояли в плодоносной Украине, и богатые поселяне делились своею пищею с нашими добрыми солдатами, которые в свободное от службы время помогали им в полевых работах. Поселяне не хотели получать казенного провианта, и я настаивал, чтоб он всегда был продаваем в пользу солдат. При расчете амуничных и артельных денег, при уплате жалованья, я, как говорится, резался за солдатскую копейку. Правду мудроно всегда облекать в нежные, мягкие формы, и я часто принужден был говорить горькие истины, спорить и жаловаться, когда меня не слушали. Я прослыл *беспокойным человеком* и принужден был выйти в отставку.

«Отец мой, который был стар и слаб, хотел, чтоб я жил при нем. Я определился в гражданскую службу в столице, по судной части, чтоб не терять времени без пользы отечеству. Здесь-то открылось обширное поле для моей деятельности. Отец мой нисколько не сокрушался тем, что я невольно должен был оставить военную службу. «Ты исполнил свой долг — вот твоя награда и утешение», сказал он, принимая меня. Когда мне надлежало занять новую мою должность, он призвал меня к себе в кабинет и, указав на раскрытый новый завет, велел прочесть в послании Павла к Тимофею, к главе V, стих 20: «*Согрешающих обличай пред всеми, дабы и прочие страх имели*». Потом он прижал меня к сердцу, благословил и сказал: «Ступай с богом ратовать за истину!»

«Я был как пес на страже у храма Правосудия: лаял на бессовестных злоупотребителей законов, не пускал сильного злодея во внутренность святилища и защищал от грабителей несчастную вдову и сироту.

«Ябеда и лихоимство восстали против меня с ожесточением. *Деловые люди*, без которых начальники не могли обойтись, не зная сами дела, объявили, что они не могут жить с таким *беспокойным человеком*, как я. Мне велено было удалиться.

«Между тем отец мой скончался, и я остался на свете одинок, с порядочным состоянием. Отец мой не старался умножать своего капитала, полагая, что мне довольно будет приданого моей матери, и употреблял остальную от прожитья часть доходов на вспоможение бедным. Я последовал его примеру, и делился по-братски с неимущими и страждущими, и защищал их также от притеснения сильного. Я не мог отказать несчастному в совете и даже сам писал просьбы для беззащитных, неумеющих отразить ябеды и угнетения силою красноречия и юридических доводов; я сам хлопотал за бедных и иногда устрашал самых закоренелых лихоимцев моею настойчивостью. Тысячи неприятностей сносил я ежедневно; но, проведя день в трудах, утешал себя тем, что исполняю волю моего родителя и что моею горестью доставляю сладкое утешение страждущим. Я был счастлив. Несколько добрых друзей, науки и литературы услаждали жизнь мою, которую злобные люди хотели отравить клеветою.

«Облака образуются из паров; дождь состоит из капель: беда образуется из клеветы, изветов и наущений, и злобные слова в совокупности составляют громовую тучу в нравственном мире, извергающую перуны на безвинных. Я не давал обедов, полагая, что лучше от избытков кормить бедных, нежели пресыщать сластолюбцев; не давал в займы денег мотам, — меня назвали *скупым*. Я ходил молиться в церкви общественные, вместе с народом, а не являлся в мундире в домашних церквах вельмож, — меня называли *безбожником*. Зная, что монархическое правление не может иметь другой цели, как благо подданных, я никогда не роптал на правительство, но громко вопиял противу злоупотребителей власти, которые, почитая места свои как бы откупами, помышляют единственно о своем обогащении и помещении своих родственников, — меня назвали *возмутителем*. Я от всего сердца хвалил добрых вельмож, честных чиновников и выставлял их в пример, в противоположность злым и корыстолюбцам, — меня называли *интригантом и пристрастным*. Часто, не будучи в состоянии умерить моего негодования, я обнаруживал истину в выражениях сильных, в писанных мною для других просьбах и называл вещи их настоящими именами, — меня прозвали *ябедником*. Изо всех приписанных мне качеств составилось одно название: *беспокойного человека*, и меня выслали на житье в этот город, под надзор полиции. Признаюсь, я сперва сокрушался, но добрый священник Евгений утешил меня и успокоил. «Вы трудились не для

мира, а для души своей», сказал отец Евгений: «следовательно в душе своей найдете награду. Вспомните, что говорит апостол Лука: *«Но вы любите врагов ваших и благотворите и в займы давайте, ничего не ожидая; и будет вам награда великая, и вы будете сынами всевышнего: бо он благ и к неблагодарным и злым»*. Не смущайтесь несчастием и не ослабевайте на пути к добру, помня слова апостола Павла: *«Правда, всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но впоследствии доставляет мирный плод праведности тем, кои посредством оного образовались»*.

«Теперь я спокоен и счастлив: ибо счастье у всякого в сердце, а на земле нет населенного места без добрых людей. Я нахожу наслаждение в дружбе честного Капитан-Исправника, почетного священника Евгения и купца, вашего хозяина; провожу время в чтении и прогулке и делаю столько добра, сколько позволяют мне средства мои. Не примите моего рассказа за самохвальство. Нет! я чужд этого порока и объявил вам истину для вашего поучения, потому только, что вы этого требовали. Придет время — и правда всплывает наверх, как елей над водою, и рано или поздно, но всегда восторжествует над злобою и ложью».

Возвратясь в город с прогулки и проходя мимо городского острога, почтенный Петр Петрович предложил нам зайти туда и бросить семена утешения в жилище плача, как он изъяснялся. У меня было в кошельке несколько червонцев, и я с радостью согласился пойти в острог, чтоб облегчить подавием участь несчастных. Этот острог был не что иное, как простая изба, обнесенная тыном. За теснотою невозможно было разделить содержащихся под стражею по роду преступлений, и оттого случалось, что молодой легкомысленный мальчик, бежавший из шалости от господина, помещался на нарах возле закоснелого в пороках вора или разбойника и нечувствительно заражался правилами злодейства. Чистоты также невозможно было требовать при недостатке помещения. Караульные солдаты расположены были в сенях, а по обеим сторонам, в двух избах содержались колодники, как сельди в бочке. Мне сделалось дурно от духоты и от сильного впечатления, произведенного видом зверских лиц. Я просил моих товарищей выйти скорее на свежий воздух. Вдруг услышали мы в чуланчике пронзительные стоны и страшные вопли. Любопытство повлекло нас туда, и ужасное зрелище представилось взорам моим. В темном углу, на соломе лежал полуобнаженный человек, иссохший, как скелет,

и скованный по ногам и по рукам. Лишь только свет проник в его кануру, он приподнялся, присел и устремил на нас ужасный взгляд. Взоры наши встретились, и я затрепетал всем телом, как от взгляда василиска. Черные волосы и борода у несчастного были всклокочены, лицо покрыто смертною бледностью, и глаза, налившиеся кровью от бессонницы и страданий, светились, как раскаленные уголья. Помолчав немного, несчастный прикоснулся скованными руками сперва ко лбу, а после к сердцу, и сказал потихоньку: «огонь, огонь!» Потом, разинув рот, прошептал: «воды!» Унтер-офицер подал ему деревянную кружку, и он, напившись, толкнул его от себя и громко воскликнул: «прочь, прочь, кровь! кровь!» Вдруг волосы его поднялись дыбом, лицо скривилось от судорожных движений, глаза сделались неподвижными, пена появилась на устах; он заскрежетал зубами, быстро приподнялся и воскликнул: «Я Ножов — берите меня!» — «Ножов!» воскликнули мы в один голос с Миловидиным. Это был злодей Ножов, которого я не мог сперва узнать в таком положении; но когда он произнес свое имя, я тотчас припомнил его черты. Между тем, несчастный снова упал на солому и завопил ужасным голосом: «Не жгите меня, не жгите, а убейте одним ударом!» Ноги мои чуть не подкосились от ужаса; кровь приступила к сердцу, и голова закружилась; но я стоял на месте, ожидая, что Ножов придет в себя из беспамятства, и скажет мне имя Графини, моей неприятельницы. Преступник снова замолчал и закрыл глаза; тогда Миловидин кликнул его по имени. Ножов открыл глаза, и как будто прислушивался. «Ножов!» сказал Миловидин: «Выжигин прощает тебя за все зло, которое ты ему сделал». Ножов опять присел на соломе и, озираясь кругом, сказал: «Где Выжигин? Он умер в степи. Я сам бросил его в яму! Графиня не велела убивать его»... При сих словах Ножов снова упал навзничь, закрыл глаза и страшно захрипел. Я не мог долее выдержать этого ужасного зрелища и вышел из острога.

«Вы знаете этого злодея?» спросил Петр Петрович. — «По несчастию!» отвечал я. «Завтра расскажу вам подробности моего с ним знакомства; но теперь я так расстроен, что не могу собрать мыслей». Петр Петрович проводил нас до дому. Я весь вечер не выходил из комнаты и провел ночь без сна, мучась нетерпением узнать от Ножова тайну моего преследования. Поутру я послал в острог узнать о здоровье несчастного, но мне сказали, что он испустил дух в ужасных мучениях вскоре после нашего ухода.

Петр Петрович, которому я рассказал часть моих при-

ключений и который знал по наслышке Вороватина, советовал мне быть весьма осторожным при открывании тайны, чтобы не попасть в большую беду. «Судебным порядком вы ничего не выиграете с Вороватыным», сказал он: «потому что у вас нет свидетелей: Вороватин может сказать, что Киргизы взяли вас в плен силою. К тому ж, если вы замешаете в ваше дело какую-нибудь знатную фамилию, то не оберетесь от хлопот. Лучше всего старайтесь поразведать стороною, и если только узнаете имя своей гонительницы, то тайна откроется сама собою. Вы видели из примера Ножова, что дерзость порока и закоснелость в злодеянии кончится на одре болезни и в ту минуту, когда для добродетельного страдальца сияет в полном блеске надежда на лучшую жизнь и улаживает его последние минуты, для злодея вместе с гробом предстоит угрызения совести, ужаснейшие самых адских мук. Вороватин при первой тяжелой болезни или при первой опасности окажет столько же малодушия, как и все злодеи, и откроет вам истину. Закоснелому пороку есть конец — твердость свойственна одной добродетели!»

Глава XX.

ПОМЕЩИК, КАКИХ ДАЙ БОГ БОЛЕЕ НА РУСИ. КАКОВ ПОП, ТАКОВ И ПРИХОД.

Поведением нашим и предстательством доброго Петра Петровича мы снискали благорасположение Капитан-Исправника, который иногда заходил к нам, приглашал к себе на чай и позволял отлучаться за город. Однажды, когда мы были у него с Петром Петровичем, речь зашла о том, как трудно Земской Полиции соблюдать порядок на обширном пространстве, в стране малонаселенной, пересекаемой непроходимыми болотами и лесами. «Прошу поймать беглого», сказал Капитан-Исправник: «если помещик и поселяне захотят скрыть его! Надобно несколько тысяч войска для поимки одного человека в лесу, простирающемся верст на полтора!» — «Вообще на помещиках лежит большая ответственность пред богом, государем и отечеством за все, что делается в их поместьях», сказал Петр Петрович. «От помещика зависит все счастье его поселян, их нравственность, просвещение и благосостояние, следовательно от поместного дворянства, в совокупности, зависит нравственность, просвещение и благосостояние целой России. Правительство ничего не щадит, чтоб открывать дворянству все

пути к просвещению и к благосостоянию. Ни один чадолюбивый отец не печется столько о воспитании и счастье своего любимого сына, как Русские государи пекутся о Русском дворянстве. Но неужели Русское дворянство должно уподобляться тому человеку, в притче евангельской, который зарыл в землю талант, полученный им от господина, для умножения его богатства? Дворянин, получая, должен делиться, должен водворять в народе привязанность к престолу, любовь к отечеству и своим примером побуждать к нравственности».

— «Справедливо», сказал Капитан-Исправник: «а в противном случае, дворянин похож будет на ту бесплодную смоковину, о которой упоминается в евангелии, от Луки, в главе XIII. Дворянин, как избранный сын чадолюбивого отца, должен быть всю жизнь на службе для исполнения воли и благих намерений общего отца России. Дворянин, проживая в своих поместьях, должен почитать себя в столь же действительной службе, как если б он заседал в Совете Государственном или предводительствовал войском. Дворянин есть первый полицмейстер в своем поместье, сборщик государственных податей, надсмотрщик за исполнением земских повинностей, мирный судья между своими крестьянами, попечитель об их здоровье, охранитель их имущества, надзиратель приходского училища». — «Прекрасно, прекрасно, Петр Петрович!» воскликнул Капитан-Исправник и бросился обнимать Виртутина, промолвив: «Точно так! Земская Полиция была бы тогда тем, чем она быть должна, властью исполнительною, которая по востребованию помещика водворяла бы порядок и благочиние силою закона там, где бы не действовала сила убеждения!» — «Так и будет со временем», сказал Петр Петрович: «когда созреют плоды просвещения, непрерывно насаждаемые мудрыми нашими Монархами; когда мы будем иметь достаточное число отличных Русских учителей для образования нашего юношества в Русских правах, а не на Английский или Французский манер».

— «Уж мне эти Русские чужеземцы сидят костью в горле!» сказал Капитан-Исправник. «Я более уважаю французского кучера или повара, нежели Русского Князька, подражающего Лордам и Маркизам, в их причудах и странностях. Недавно поселился у нас в уезде, в своих поместьях, молодой вертопрах, который почел себя обиженным по службе от того, что начальник сказал ему, что он не может занимать значительного места и получать наград, потому что не умеет написать трех строк с Логикою и Грамматикою.

Князь Слабоголовин, прочитав несколько книжонок Французских о политике, при помощи своего гувернера, и подписываясь на несколько Английских газет, вообразил себе, что он сам великий политик, и рожден быть законодателем своего отечества. Вместе с парами шампанского, он вбивал в голову своих незрелых товарищей правила филантропии и мудрость Философического Словаря Вольтерова, и прослыл либералом, оратором, защитником человечества. Когда же он, споткнувшись на пути честолюбия, приехал в свою деревню, то — знаете ли чем кончилась его философия?» — «Без сомнения, он начал учреждать сельские школы, радеть о благе своих крестьян», сказал Миловидин. — «Не тут-то было» воскликнул Капитан-Исправник, громко засмеявшись. «Правительство, пекущееся о благе подданных на деле, а не на словах, принуждено было взять в опеку имение красноречивого оратора человечества, за жестокое обращение с крестьянами и разорительное управление имением. Послушайте всех этих крикунов за вкусным обедом, или на вечере, в толпе молодых людей: они вопиют о благе человечества, о законах; а дома у себя и в каждом месте, подчиненном их начальству, хотят быть самовластными Пашами. Истинный друг человечества не кричит, не вопиет против законов и учрежденного порядка, но, сообразуясь с ними, делает столько добра, сколько может: а добра всегда и везде можно много сделать — была бы охота! У нас же еще много можно и должно сделать добра на практике, прежде чем придется подумать о теориях. Знаете ли что, Петр Петрович, свозите этих господ к приятелю нашему, Александру Александровичу Россиянину. Вы увидите, какие у нас люди скрываются в захолустье. Я вам дам своих лошадей. Прогуляйтесь, господа; вы засиделись в нашем городишке!»

На другой день, утром, мы отправились в гости к Г-ну Россиянину, жившему в своей деревне, в 25 верстах от города. Проехав верст 15, мы заметили удивительное различие в обработке полей. Везде на низких местах выкопаны были каналы для стока излишней воды с пашней. Поля были порядочно размежеваны и унавожены; луга очищены от кочек и бесполезных кустарников. На берегу крутого ручья, на пастбище сделан был, мощный камнем, спуск для поения стад, чтобы скотина не вязла в грязи и не засыпала землю источника. Дорога по обеим сторонам усажена была деревьями; мостики были в исправности; и топкие места устланы фашинами. «Примечаете ли», сказал Петр Петрович: «что мы въехали во владения порядочного человека?»

Приехав в деревню, Миловидин всплеснул руками от удивления, и воскликнул: «Вот какова может и должна быть целая Россия!» Деревянные прочные избы выстроены были в один ряд, по обеим сторонам дороги. Окна обложены были резными украшениями, дворы все загорожены высокими заборами, с красивыми воротами с навесом. Дома построены были на некоторое расстояние один от другого из предосторожности от пожара. Между домами находились садики с плодовыми деревьями. Позади крестьянских дворов были овощные огороды, а за ними гумны. В конце деревни возвышалась прекрасная каменная церковь, осененная высокими липами. Дом священника отличался чистотой и красивою наружностью. Возле церкви находилось несколько красивых домиков, для общественной пользы. В одном из них была учреждена госпиталь и аптека; в другом богадельня для безродных, хворых и престарелых; в третьем запасный сельский магазин и лавка с товарами, необходимыми в крестьянском быту, и с первыми потребностями жизни; в четвертом сельское училище и Совестьный Суд. В конце деревни была кузница, а по середине большой колодезь. Поселяне обоего пола имели здоровый вид, и молодые женщины отличались красотой, ибо наружная красота бывает следствием довольства. Мы не встречали на улице ни грязных детей, ни оборванных баб, ни пьяных мужиков. Крестьянские лошади и скот были отличной породы, упряжь и земледельческие орудия в исправности. Мы вошли в один крестьянский дом, чтоб увидеть домашнее устройство. Дом был с подвалом и разделялся на две половины: светлую и курную. В первой, состоящей из трех перегородок, помещалось семейство хозяина, а во второй пекли хлеб, варили кушанье и пойло для скота, просушивали мокрую одежду, возвращаясь с работы в ненастную погоду, и т. п. «Я знаю некоторых помещиков», сказал Миловидин: «которые, прельстясь иноземщиною, вздумали строить для Русских мужиков Немецкие дома и требовать от них такой же чистоты, как в Германии. Это невозможное у нас дело, и не только не составляет счастья поселянина, но стесняет его к жизни. Наш климат и местные обстоятельства требуют другой постройки домов, чем в Германии и Англии. Каменных обширных домов для поселян у нас строить невозможно, потому что не везде есть материал для этого, что содержание дома стоит дорого, и что у нас поселяне не живут большими семействами, а потому и не имеют нужды во множестве комнат, которые должно отапливать, в большей части России, 8 месяцев в году. Без

курной избы также трудно обойтись Русскому крестьянину в нашем сыром и холодном климате, в северных губерниях; без этого он не будет иметь места, где обсушиться. Желание добра часто не приносит пользы, если выполнено без познания местностей. Но этот Г. Россиянинов, видно, мастер своего дела». В сенях мы увидели лапти. «Вот это отзывается еще варварством», сказал Миловидин. Петр Петрович рассмотрел прилежнее эту обувь и сказал:— «Это не лапти, а шмоны¹, то-есть обувь из пеньки. Употребление лаптей невыгодно потому более, что этим истребляется много леса».

— «Когда ваши мужики носят шмоны?» спросил он у крестьянина: «я вижу, что на улице они все в сапогах». — «На рыбной ловле, родимой, в мокрое время на лугах, да в лесной работе: ведь сапогов-то не наносишься; да и ноги-то не убережешь в сапоге так, как в смоленном веревочном лапте». «Видите ли, что они употребляют эту обувь только при работе, и она гораздо удобнее деревянных башмаков Французских и Немецких поселян. Если крестьянин, будучи в довольстве, не отказался от этой обуви, то это знак, что она ему полезна и удобна».

Вокруг крестьянского двора был навес, где стояли телеги, сани, сохи и бороны и где ставили лошадей на время. В конце двора были хлева и конюшня, а за домом баня. Я спросил у хозяйки, чем они зимою освещают избу. «Соседи наши», отвечала она: «крестьяне других помещиков жгут лучину, батюшка, а мы освещаем избу ночником с конопляным маслом. Ведь конопляного-то масла не покупать — стать, родимой; а у нас всякая баба сама делает масло из семени». — «Есть ли у вас питейный дом в селе?» спросил Миловидин. — «Избави бог от этого, отцы родные!» — отвечала поселянка. «В старые годы, при старом господине, был здесь питейный дом: так мужики только и знали, что пировали в праздничные дни, а опохмелялись в будни. А ныне, слава богу, вывелось это. И священник-то наш, дай ему господь здоровья, толкует нам в церкви, что великий грех упиваться вином; и подлекарь наш говорит, что с вином жить недолго; и господин наш запрещает пить и не любит пьяниц; так пьянство-то и вывелось, а за этим и копейка не так скоро катится из дому. Иное дело светлый праздник, или свадьба, или крестины, тогда варят пиво, а вино сам барин отпускает со двора. В осеннюю работу или зимой барин так-

¹ Областное выражение, которого нет в словарях. (Примеч. Булгарина.)

же велит рабочим людям пить по чарке вина, но не больше. Дай бог ему здоровья — отец родной, а не господин!»

Верстах в пяти от деревни, на возвышенном берегу реки, стоял господский дом, деревянный на каменном фундаменте, выкрашенный зеленою краской, с красною кровлей. Позади дома, к реке простирался обширный сад. Вокруг двора расположены были хозяйственные заведения. Соразмерность частей составляла все достоинство архитектуры, чистота и прочность — все наружное украшение зданий. На крыльце встретил нас служитель, одетый чисто, хотя весьма просто. Он сказал нам, что сам хозяин поехал в поле, а хозяйка присутствует при уроках своих дочерей. В комнате встретил нас старший сын хозяина, юноша лет шестнадцати, и просил нас подождать терпеливо, пока мать его кончит свое занятие. Высокий рост юноши, румяные его щеки и ловкость показывали, что о его физическом воспитании имели столько же рачения, как и о нравственном. Петр Петрович, который был коротко знаком в доме, предложил нам осмотреть комнаты и сад. Сын хозяйский, Алеша, взялся быть нашим путеводителем. Прошед через три гостинные комнаты и залу, которых все убранство составляла необыкновенная чистота, мы вошли в кабинет Г-на Россиянинова. Это была обширная комната, вокруг которой стояли огромные шкафы с книгами на Латинском, Греческом, Французском, Немецком, Английском, Итальянском и Русском языках. Посреди комнаты находились три стола: на одном лежали новые журналы и газеты, на другом бумаги, на третьем новополучаемые книги. В другой комнате, прилегающей к кабинету, находились, в шкафах же, физические инструменты, химические аппараты, модели разных машин; на столах стояли глобусы; на одной стене развешены были географические карты. Небольшой шкафик вмещал в себе собрание минералов. «Здесь пахнет Европою!» сказал Миловидин. Из этой комнаты мы вошли в сад. В нем не было ни искусственных прудов, заражающих воздух вредными испарениями, ни дорогих мостиков на суше, ни причудливых беседок варварской архитектуры, ни новых развалин. Сад наполнен был плодовыми деревьями и разными ягодами, посаженными с необыкновенным искусством. Ореховые и липовые рощицы доставляли приятное убежище в жаркие дни, а большая аллея вокруг сада, осененная высокими деревьями, служила для прогулки. В куртинах устроены были качели и разные игры для детей. В конце сада, на полуденной стороне, находилась оранжерея, небольшая, но прекрасно устроенная. «Это уж роскошь!» сказал Мило-

видин. «Роскошь не только извинительная, но даже полезная», отвечал Петр Петрович. «Может ли быть что приятнее для северного жителя, как лелеянье нежных произведений благословенных климатов. Самое воззрение на разнообразие, богатство и щедрость природы возвышает душу и сближает человека с творцом. Среди этих растений различных стран мысль летает по земному шару. Скажу более: зачем лишать себя удовольствия, отведать иногда нежных плодов, в которых нам отказала северная природа? Это не есть удовлетворение постыдного обжорства, но успокоение позволительного любопытства. Впрочем, мне кажется, что гораздо лучше заниматься воспитыванием растений, нежели держать в неволе множество животных и травить слабых зверей». Вдруг послышался голос позади нас. Мы увидели человека, с веселым и здоровым лицом, в сафьянном картузе и зеленом камлотовом сюртуке, который поспешал к нам. Это был сам хозяин. «Здравствуй, друг!» — сказал он, простирая руку к Петру Петровичу, который представил нас хозяину и в кратких словах рассказал наши похождения. «Я уже слышал отчасти», промолвил хозяин. «Здесь поневоле услышишь то, чего бы и не хотел слушать. Словесные газеты у нас в лучшем обращении, нежели печатные. Если кто хочет знать истину, тот должен верить только сотою части провинциальных вестей. Мне рассказали, что двое Русских дворян прибыли чрез Киргизскую степь из Индии, где один был владетельным князем, а другой его министром и что они привезли с собою целые бочки червонцев и целые возы шалей. Я уверен, что если эта весть долетит до другой губернии, то одного из вас произведут в Великие Моголы, а другого в страшные завоеватели; сокровища ваши умножатся до миллионов червонцев, и бочки наполнятся бриллиантами. Но милости просим в комнаты. Пора обедать».

В комнатах любезный хозяин представил нас своей жене и двум дочерям: старшей было четырнадцать, а меньшей двенадцать лет от рождения. Меньшой сын был лет десяти. К удивлению нашему, хозяйка заговорила с нами по Русски, и вовсе не была разряжена в деревне, как на куртаге, хотя принимала в доме своем в первый раз гостей, которые прослыли миллионщиками. Хозяин представил нам также учителей детей своих, Француза мосье Энстрию и Немца Г-на Гутмана¹, которых он назвал своими друзьями. Мне показалось странным, что Г. Россиянинов, которого Петр

¹ Энстрию (instruit — франц.) — образованный. Гутман (нем. — gut Mann) — добряк, хороший человек.

Петрович описал мне необыкновенным патриотом и врагом иноземного воспитания, держит у себя чужеземцев для образования своих детей. Петр Петрович заметил мое удивление из косых взглядов, которые я бросал на чужеземцев, и сообщил мое наблюдение хозяину. Г. Россиянин вывел меня и Миловидина в другую комнату, и сказал: «Не удивляйтесь, господа, что я употребляю иноземцев при воспитании своих детей. Поверять юношей безусловно на руки иноземцев есть величайшая глупость наша, от которой произошло все зло для Русского дворянства; от того оно сделалось почти чужеземною колонию в России, не зная почти языка отечественного, ни обычаев, ни истории, причувшись от детства любить все Французское и Английское и презирать все Русское. Но употреблять иноземцев под надзором родителей можно и должно, избирая для этого людей почтенных нравственным своим характером и образованием, а не искателей приключений, не шарлатанов. Без познания чужеземных языков человек никогда не может образоваться, как прилично Европейцу. Другие народы опередили нас в просвещении и имеют более средств подвигаться беспрестанно вперед, на поприще наук. Переводить все, что появляется важного и любопытного в чужих краях, невозможно. Выдумывать самим то, что давно уже открыто и обдуманно, было бы смешно, и так надобно приобрести легчайшее средство одним взглядом обнимать обширное царство просвещения, и это средство есть познание чужеземных языков. Зная многие языки, вы делаетесь гражданином мира: согласитесь, что прежде надобно быть *человеком*, а потом уже Русским или Французом. Я люблю Россию более моей жизни, желаю ей блага более, нежели собственным своим детям, и готов принести ей в жертву жизнь мою и детей моих, именье и все блага жизни; но из этого не следует, что я должен не любить иностранцев и не пользоваться произведениями их ума и промышленности. Это было бы варварство, достойное Турок, Китайцев и Алжирцев. Первые предметы при воспитании моих детей суть познание отечественного языка, истории и статистики России, и первое и главное мое старание состоит в том, чтоб вперить в детей моих беспредельную привязанность ко всему отечественному. Этим занимаюсь я сам. При всем этом я не скрываю пред ними, чего нам недостает еще к достижению той степени образованности, на которой находятся другие народы, а, напротив того, возбуждаю желание стремиться к возвышению отечества распространением в нем всего доброго и полезного. Теперь домашнее

воспитание моего старшего сына кончено, и я буду зимою отправляю его в Университет». Нас позвали к столу, и Г. Россиянинов прекратил свое объяснение.

Обед состоял из четырех блюд, приготовленных со вкусом и изобилием. Вина не лились через край, как говорится; но после каждого блюда всем собеседникам (исключая детей и дам) наливаемо было по большой рюмке отличного вина. Кроме того, на столе стояли графины с водою, легким пивом, квасом, яблочником и вкусным питьем из разных ягод, которое искрилось и пенилось в рюмке, как шампанское, и показалось мне гораздо вкуснее вина. Для десерта подали прекрасные, спелые плоды. Кроме семейства г-на Россиянинова, двух учителей и нас, за столом было двое отставных за ранами, пожилых офицеров, две старушки, дальние родственницы хозяйки, и приходской священник. Я с удовольствием заметил, что всем гостям и домашним, без исключения, подносили одни блюда и всех подчивали одним вином. Это не всегда делают господа, дающие за своим столом место бедным людям. Г-н и Г-жа Россияниновы, напротив того, обходились с ними необыкновенно вежливо, и хозяин не изощрял своего остроумия на счет бедных людей, которым он предложил гостеприимство.

За столом разговор был общий. После обеда мы все вышли в сад и в ожидании кофе поместились под тенью густых лип. Вдруг у Миловидина навернулись слезы на глазах. Все обратили на него внимание, с участием, и хозяйка пришла в беспокойство. «Вам грустно?» сказала хозяйка. — «Нет, сударыня, это слезы умиления, а не грусти. Я восхищаюсь семейным вашим счастьем, благополучием ваших крестьян, порядком, устройством вашего имения, и радуюсь, что вы Русские!» Хозяин пожал руку Миловидина и примолвил: «Ваша правда: мы, или по крайней мере я счастлив моим семейством!» Г-жа Россиянинова, вместо ответа, с нежностью поцеловала своего мужа, дети бросились ему на шею, восклицая: «Папенька, ты составляешь все наше счастье, всю нашу радость!» Один из отставных офицеров пожал руку Г-на Россиянинова, другой возвел взоры на небо и перекрестился; воспитанницы бросились целовать руки почтенных супругов. Старый служитель, принесший кофе, прослезился в молчании. Г. Россиянинов был тронут до глубины сердца. «Вы видите теперь, счастлив ли я!» воскликнул он. «Может ли быть блаженство выше, как быть любимым добрыми существами? Не думайте, однако ж, чтоб счастье стоило мне больших трудов. Нет, это милость providения, за которую не prestaю

благодарить его. Я старался только по возможности исполнять обязанности, — ничего более. Если вы любопытствуете, я в кратких словах расскажу вам мою историю:

«Отец мой служил в морской службе, женился по любви и не имел никаких способов к содержанию своего семейства, кроме своего жалованья. Он дослужился до генеральского чина в этом положении дел и потому не мог дать мне и двум моим сестрам блистательного воспитания. Храбростью своею он приобрел богатство, взяв несколько богатых призов в Турецкую войну. Расстроенное его здоровье не позволяло ему служить далее: он вышел в отставку, купил это имение, состоящее в 500 душах и поселился в деревне. Сестры мои вышли замуж, как скоро родители в состоянии были дать им хорошее приданое. Я определился в Гвардию, но имел несчастье ушибиться, упав с лошади, и должен был, по совету врачей, выйти в отставку. Мне тогда было не более 19 лет от роду. Мне советовали прожить несколько лет в теплом климате, для укрепления сил и пользования минеральными водами. Я употребил это время на образование себя и слушал курсы в Болонском Университете, а потом довершил свое перевоспитание в Париже. Возвратясь в отечество с восстановленным здоровьем и новыми познаниями, я хотел быть полезным отечеству службою гражданского. В это время я имел несчастье лишиться моих родителей и остался одинок в свете. Прослужив несколько лет в незначущей должности и видя, что ни старания мои, ни усердие и, смею сказать, ни способности и познания, высшие, нежели познания моих товарищей, не могли выдвинуть меня из толпы, я стал охладевать в моей ревности к общей пользе. Один старый приятель моего отца, которому я жаловался на мое положение, вывел меня из заблуждения и указал истинный путь к счастью. — «Любезный друг! сказал он мне однажды: ты не имеешь никаких родственных связей, не принадлежишь к числу тех счастливых, которых все достоинство состоит в имени, следовательно ты вечно будешь осужден выводить на своих плечах, из канцелярской грязи под гору фортуны, чужую неспособность, для увенчания ее твоими заслугами. Надобно дожидаться необыкновенного случая, одного из тех чудес, которое записывается в календарях, чтоб лучи солнца проникли сквозь густую атмосферу племянничества (*pépotisme*) и озарили тебя, безродного дворянина. Бывают примеры, не спорю, но на это надобно железное терпение, а у тебя его нет. Чего ты ищешь?

Быть полезным государю и отечеству? не правда ли? Средства у тебя в руках. Ты имеешь 500 душ крестьян. Посвяти себя их счастью. Верь мне, что тебе долго ждать, чтоб достигнуть до такого места, где бы счастье 500 душ мужеского и вероятно стольких же женского пола зависело от твоей воли. Ты хорошо учился, много читал, путешествовал, следовательно имеешь много способов устроить твое хозяйство, сделать благополучными твоих крестьян и, что более, быть примером для других. Хозяйство есть вещь нетрудная, и твой староста, при познании местных обстоятельств, будет тебе полезнее, нежели два курса Агрономии. Главное дело, соразмерять расход с приходом и все излишнее, остающееся от необходимого, употреблять на улучшение имения и благосостояние крестьян. Ограничь нужды твои, отбрось прихоти и ты будешь иметь излишнее; употреби излишнее на полезное, и оно принесет тебе довольство, спокойствие и счастье!»

Подобно слепому от рождения, который, прозрев после счастливой операции, восхищается и удивляется видом предметов, о которых он имел превратное понятие, я прозрел умом от слов истинного моего друга. «Вот дочь его!» примолвил Г. Россиянинов, указывая на жену свою. «Я женился, вышел в отставку и поселился в деревне. Отец мой, будучи стар и хвор, в то время, когда удалился в деревню, не мог сам заниматься хозяйством и оставил мне именье в таком виде, как купил. Поля были не удобрены, крестьяне в бедности и в полудиком состоянии в отношении к нравственности. В 20 лет, при помощи божьей и при усердных наших с женою трудах, мы успели довести именье до такого состояния, в каком вы его видите. Я не имел капиталов и усовершенствовал именье из одних доходов, постепенно, поспешая без торопливости, занимаясь сперва существенным. Бог благословил мои начинания. Ныне, все молодые люди в моем имении знают грамоту и постигают свои обязанности в отношении к богу, к государю, к помещику, и к своим равным. Без грамоты, господа, невозможно посеять ни нравственности в народе, ниже возбудить понятия о его обязанностях к властям для собственного же его блага. Людей нельзя обучать по слуху, и по привычке, как дрессируют пуделей. Надобно, чтоб человек мог *читать*: тогда только он будет *помнить*; и, кроме того, время, употребленное на чтение, не есть потерянное, ибо большая часть людей только от праздности предается разврату. Добрые мои крестьяне вскоре постигли, что я желаю им добра, и усердно приня-

лись помогать мне. В этом я обязан также и почтенному нашему священнику, который, при всей своей бедности, вел себя таким образом, что крестьяне не могли не уважать его. Он не участвовал в их пиршествах и забавах, но посещал их только для подания духовной помощи, для совета, увещания или исполнения церковного обряда. Почтенный пастырь в поте чела снискивал свое пропитание, обрабатывая небольшой участок земли; но, кроме положенного по закону, никогда не брал ничего от поселян. Он мирил ссоры, сам никогда не подавая повода к неудовольствию, и пересекал своим присутствием все непристойные шутки, а не возбуждал их. Одним словом, отец Симеон был и есть таков, каким быть должно сельскому священнику: кроток, воздержен, человеколюбив и важен в обхождении. Вы видели его за столом, господа. Теперь состояние его улучшилось вместе с состоянием всех нас. Я полагаю первым долгом помещика привести священника в такое состояние, чтоб он мог жить, не заимствуясь ничем от крестьян; тогда он будет уважен прихожанами и может действовать на их нравственность.

«Следуя совету моего тестя, я начал хозяйничать не на Английский или Немецкий манер, но сообразуясь с нашим климатом, с почвою земли и обычаями. Все нововведения не иначе приводимы были мною в исполнение, как после многих опытов. Наконец, все мы обстроились, удобрили свои поля, и теперь только остается нам поддерживать то, что мы сделали».

Мы провели время в обществе доброго Г-на Россиянина и его семейства самым приятным образом и при закате солнца отправились в город, хотя хозяева старались удержать нас. Я торопился в город, ибо завтрашний день был почтовый, и я с нетерпением ожидал писем из Москвы. Мы обещали в другой раз приехать, на несколько дней, к почтенному Александру Александровичу, и отправились с грустью в сердце, как будто из родительского дома. Когда мы выехали за ворота, Миловидин перекрестился и, возведя взоры к небу, произнес: «Господи, благослови Россию и дай ей поболее таких помещиков!»

Донос: истоки популярного жанра

Искусство подсиживания, кулуарных интриг и стукачества старо как мир. В истории отечественной литературы к признанным мастерам доносов традиционно относят участника Бородинской битвы модного петербургского журналиста, писателя и издателя газеты "Северная пчела" Фаддея Булгарина.

Пушкин величал Булгарина то Авдеем Флюгариним, то Видоком Фигляриным. Последней кличкой назван толстенный том, подготовленный А. И. Рейтблатом и выпущенный издательством "НЛО". Впервые под одной крышей собраны письма и агентурные записки Булгарина в царский КГБ, в III отделение (за 1826-1856 годы).

Доносов за Булгариним числится немного: в сборнике их всего три. Зато немало обобщающих записок по ряду важных тем (литература и цензура, судопроизводство, ситуация в Польше, в Литве, в Прибалтике). Читаешь и диву даешься, с каким энтузиазмом "реакционный журналист" (так говорили о нем в советской школе) борется с цензурным уставом, пытается заменить одиозных цензоров на людей просвещенных, добивается разрешения на публикацию театральных рецензий

(большинство актрис были любовницами номенклатуры, и писать о них критические опусы категорически запрещалось).

И в отношении к литераторам, к тому же Пушкину например, осведомитель ведет себя отнюдь не однозначно. То ругает за либерализм и волюндуство, то хвалит, то защищает от клеветы. "Поэт Пушкин ведет себя отлично хорошо в политическом отношении, — читаем мы в одной из эпистол. — Недавно был литературный обед, где шампанское и венгерское вино пробудили во всех искренность... Пушкин сказал: "Меня должно прозвать или Николаевым, или Николаевичем, ибо без Него я бы не жил. Он дал мне жизнь и, что гораздо более, свободу: виват!" Видно, что Булгарин трудился не за страх, а за совесть. Денег, кстати сказать, от тайной полиции он не получал, предпочитая им правительственную поддержку.

Булгарин, как и большинство действующих лиц эпохи, не видел ничего зазорного в сотрудничестве с органами. Государство представлялось ему не динозавром с маленькой, глупой головкой и огромным, крушащим все на своем пути хвостом, а существом разумным и даже порядочным. Это существо, по представлениям людей первой половины прошлого века, не было лишено чести и достоинства. Иначе чем объяснить, что декабристы как на духу

рассказывали Николаю I правду и только правду, не считая при этом, что кого-то закладывают, "подставляют"?

Агентурные записки Булгарина обладают несомненным литературным достоинством. Благодаря специфике жанра многоглаголивый автор вынужден был составлять их предельно жгато и концентрированно. Порой булгаринская проза напоминает "Случаи" Хармса или тексты Букеровского лауреата Андрея Сергеева: точные, выверенные фразы, емкие характеристики, анекдот, соседствующий с описанием событий и происшествий. Это своеобразный репортаж "скрытой камерой" о закулисных сторонах русской жизни. В объектив попадают Грибоедов и Вяземский, Сперанский и Ермолов, Глинка и Полевой. И, конечно, сам г-н Булгарин — не добрый и не злой, с посмертной репутацией шпиона и гонителя А. С. Пушкина.

БОРИС Ъ-автор 2002 *сфера*
КОЛЫМАГИН *декант*
Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтבלата. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

0	0
0	

О доносах

Ра...

